

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/HWBFFC>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

«СЛОВО НА АНТИПАСХУ» КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО КАК ПАМЯТНИК КРАСНОРЕЧИЯ В РАМКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЫЧАЯ

© 2026 г. В.М. Кириллин

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия;
Московская духовная академия РПЦ, Сергиев
Посад, Россия; Сретенская духовная академия РПЦ,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 11 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 18 января 2026 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-106-133>

Аннотация: В статье анализируется структура, содержание и художественные особенности «Слова на новую неделю по Пасхе или на Антипасху» Кирилла Туровского. Автор выявляет многоплановую композицию произведения, отражающую разнотематическое и многоаспектное размышление Кирилла с использованием традиционного набора риторических приемов. Отметив связь древнерусского оратора с единой греко-византийской и южнославянской каллилогической традицией, исследователь сопоставляет ораторское творчество Кирилла с такими русскими мастерами слова, как митрополит Иларион, митрополит Киприан и Епифаний Премудрый, подчеркивая общие черты в их литературной манере. Как и они, туровский оратор использовал единоначалия, перечислительные конструкции, фразовые, лексические и морфологические повторы, смысловые и изобразительные антитезы, синтаксический параллелизм и ритмизацию словесного потока, библейские и гимнографические образы, цитаты, аллюзии, парафразы, драматическую форму апелляции к евангельской истории. В целом в статье раскрывается значение «Слова на Антипасху» как выдающегося литературного и богословского произведения.

Ключевые слова: торжественная проповедь, каллилогия, композиция, тема, ораторские приемы, авторская речь, монолог персонажа, стилистический топос, библейская цитата, парафраза, аллюзия

Информация об авторе: Владимир Михайлович Кириллин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Московская духовная академия Русской Православной Церкви, 141312 г. Сергиев Посад, Территория Лавра, Академия, Россия; профессор, Сретенская духовная академия Русской Православной Церкви, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3, 107031 г. Москва, Россия.
<https://orcid.org/0000-0003-2822-4412>

E-mail: kvladimirm@mail.ru

Для цитирования: Кириллин В.М. «Слово на Антипасху» Кирилла Туровского как памятник красноречия в рамках средневекового литературного обычая // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 106–133.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-106-133>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

KIRILL TUROVSKY'S "THE WORD FOR ANTIPASCHA" AS A MONUMENT OF ELOQUENCE WITHIN THE FRAMEWORK OF MEDIEVAL LITERARY CUSTOM

© 2026. Vladimir M. Kirillin

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox
Church, Sergiev Posad, Russia;
Sretensky Theological Academy of the Russian Orthodox
Church, Moscow, Russia*

Received: December 11, 2025

Approved after reviewing: January 18, 2026

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The article analyzes the structure, content and artistic features of Kirill Turovsky's "Words for the New Week on Easter or Anti-Easter." The author reveals the multifaceted composition of the work, reflecting Kirill's diverse and multidimensional thinking using a traditional set of rhetorical techniques. Noting the connection of the Old Russian speaker with the unified Greek-Byzantine and South Slavic kallological tradition, the researcher compares Kirill's oratory with such Russian masters of the word as Metropolitan Hilarion, Metropolitan Cyprian and Epiphanius the Wise, emphasizing the common features in their literary manner. Like them, the Turovsky speaker used single-handedness, enumerative constructions, phrasal, lexical and morphological repetitions, semantic and pictorial antitheses, syntactic parallelism and rhythmization of the verbal flow, biblical and gymnographic images, quotations, allusions, paraphrases, dramatic form of an appeal to the gospel story. In general, the article reveals the meaning of the "Word for Antipascha" as an outstanding literary and theological work.

Keywords: solemn sermon, kallilogia, composition, theme, oratorical techniques, author's speech, monologue of a character, stylistic topos, biblical quotation, paraphrase, allusion

Information about the author: Vladimir M. Kirillin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church, 141312 Sergiev Posad, Territory of the Lavra, Academy, Russia; Professor, Sretensky Theological Academy of the Russian Orthodox Church, Bolshaya Lubyanka St., 19, bld. 3, 107031 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0003-2822-4412>

E-mail: kvladimirm@mail.ru

For citation: Kirillin, V.M. "Kirill Turovsky's 'The Word for Antipascha' as a Monument of Eloquence Within the Framework of Medieval Literary Custom." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 106–133. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-106-133>

«Слово в новую неделю по Пасхе или на Антипасху» — это третье ораторское произведение святителя Кирилла Туровского, связанное с пентикостарным богослужебным циклом. В рукописях оно наделено длинным названием: «Слово Кирилла, недостойнаго мниха, по Пасце, похваление възскресеия, и о дртусе, и о фомине испытаньи ревер Господних»¹.

Специалисты по древнерусской письменности уделяли этому памятнику довольно много внимания. Но прежде всего касались вопроса его литературных источников или прототипов и, соответственно, творческой зависимости или самостоятельности его составителя [30, с. 30–34; 6, с. 322–333; 28; 2, с. 83–84]², а также проблемы его археографии и текстологии [9, с. 351–352; 23]; вместе с тем исследователей интересовали вообще художественные принципы, литературные приемы, язык и стиль Кирилла Туровского как оратора [10; 4; 20; 21; 29; 12; 32, с. 83–85]. Однако в меньшей степени была раскрыта и оценена идейно-содержательная специфика творений писателя, и в частности «Слова на Антипасху» [24; 1], и культурно-историческое место отличающей его литературной манеры.

Как видно, уже название указанной гомилии³ отражает ее сложную структуру. И действительно, первое, что следует отметить относительно данного произведения, так это то, что оно отличается, впрочем, как и дру-

1 Произведение не раз публиковалось. Здесь используется издание: [36].

2 Мною также подготовлена статья «“Слово на Антипасху” Кирилла Туровского: Литературная зависимость или творческая самостоятельность», которая, надеюсь, будет опубликована в сборнике «Герменевтика древнерусской литературы» (№ 25).

3 Здесь и далее термины гомилия, орация, торжественная проповедь употребляются синонимично, без учета специфических жанровых отличий, отражающих разные авторские каллилогические цели.

гие торжественные проповеди писателя, продуманно многоплановой композицией. При этом нужно отметить, что исследователи обычно выделяют в этой орации краткие вступление и заключение и пространную основную часть, состоящую из двух разделов, — размышления об обновлении праздника Пасхи в неделю Новую и драматизированного комментария к евангельскому рассказу об уверении апостола Фомы в том, что умерший на кресте Христос воскрес и вернулся во плоти к Своим ученикам. Однако, думается, построение «Слова» все же отражает более композитный замысел Кирилла Туровского.

Начало произведения («Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника <...>» [36, с. 415]) традиционно: это краткий и вполне самоуничижительный пассаж, в котором автор признает немоощь своего ума и отсутствие одухотворенности для «слажения душеполезных словес» и вместе с тем поясняет, что все-таки создал свой текст «любви деля» к пребывающей с ним братии. Из чего следует, что творил он в каком-то монастыре.

Сразу вслед за вступлением оратор раскрывает онтологическое понимание праздника Пасхи (нач.: «В минувшюю неделю Святых Пасхи <...>»; кон.: «<...> царствует же в днех неделя, яко в ту възкресе из мертвых» [36, с. 415]). Главная тема данного, второго, раздела — именно то, в чем суть факта, случившегося в далеком прошлом благодаря Воскресению Христову. Тогда, по мысли Кирилла, содеялось полное сущностное изменение сотворенного Богом мира, ставшего совершенно иным по отношению к тому состоянию, в котором он пребывал до сего времени. Происшедшему посвящен небольшой, но весьма выразительный пассаж:

В минувшюю неделю святых Пасха [1]⁴ а) удивление въ небеси и б) устрашение преподним, с) обновление твари; [2] а) избавление миру, б) разрушение злого и с) погнание смерти; [3] а) воскресение мертвым и б) погубление прелести власти дьявола, с) спасение же человеческому роду Христовымъ воскресениемъ; [4] а) овнищание ветхому закону и б) порабощение сугуботе, с) обогащение церкви и д) въздарение недели [36, с. 415].

Замечательно, что здесь всеобщее преображение описано посредством комбинированной перечислительной конструкции, представленной

4 Здесь и далее разбивка текста «Слова на Антипасху» на фрагменты сделана мною для наглядного выявления того, как Кирилл структурировал строй своей орации.

тринадцатью отглагольными именами, синонимически характеризующими всеобщую действительность, которые разделены на четыре атрибутивные группы (с несколькими пояснительными дефинициями в каждой). При этом первая и вторая группы (1, 2) раскрывают смысл сопряженных с ним космогонических процессов, а две другие (3, 4) посвящены смыслу происходящих метаморфоз в реальной истории жизни человечества. Но логика влечет оратора к вящей определенности: представленную здесь вселенскую картину измененного всебытия он дополняет конкретизирующим культурно-историческим пояснением происшедшего как уничтожения языческой и ветхозаветной религиозности и традиций, торжества христианской веры над языческим обожествлением природы и идолослужением, отмены иудейской субботы днем Воскресения Христова. Этому посвящена следующая весьма пространная тирада, начинающаяся с фразового повтора: «В минувшую недѣлю всему пременение бысть» [36, с. 415]. В ней оратор, развивая прежде сказанное, опять-таки использует структуру однотипно оформленного перечисления: «Створи бо ся небомъ земля <...>», славя теперь факт и процесс воскресения. «Обновиися твѣрь <...>», и «уже бо» не обожествляются явления природы; «отселе бо» прекратились жертвоприношения; «преста бо» поклонение идолам; человечество «спасеся» и «освятися» христианской верой; ветхозаветные обряды сменились воспоминанием о «жертве» Христа; «суббота» забыта, а «неделя» как день воскресения воцарилась [36, с. 415].

От этого безличного по форме экзегетического рассуждения Кирилл переходит к собственно авторской речи⁵, третьему разделу своей гомилии (нач.: «Венчаем, братье, царицу днем и дары честны <...>»; кон.: «<...> на прогнание всякого недуга» [36, с. 415–416]). Он обобщенно (от 1-го л. мн. ч.) призывает своих слушателей/читателей («венчаем», «дадим», «принесем», «похвалим», «празднуем», «понавляем») должным образом праздновать воскресенье («царицу днем»), дабы каждый украсил его по-своему, даруя этому дню: или «милостыню, и безлобье, и любовь», или «девство чисто, и веру праву, и смирение нелицемерно», или «псаломское пенье, апостолское учение, молитву с въздыханием к Богу». Интересно, что стилистическим топосом для оратора здесь, как и прежде, являются перечислительные конструкции, а также приверженность

5 Под авторской речью я понимаю здесь дискурс от 1-го лица, подобный прямой речи автора, выражающий его непосредственное отношение к определенному предмету, событию, моменту или аспекту некоей — ментальной или действительной — реальности.

к нумерологической константе. Так, наряду с отмеченными триадами он трижды использует Священное Писание, а именно прямую речь Господа:

1) «Не являйся предо мною тоць» [36, с. 415], ср.: «да не явишиися предо мною тоць» (Исх. 23: 15; Исх. 34: 20); 2) «Славящая бо мя, — рече, — прославлю» [36, с. 415], ср.: «токмо прославляющыя мя прославлю» (1 Цар. 2: 30); 3) «Се, избавлю люди моя от работы фараона и свободяю я от мученья приставник его, да понадеяши день спасения твоего, во нь жь победих враги твоя, Израилю» [36, с. 415–416], ср.: «Изведу вас от насилия египетска, и избавлю вас от работы (их) <...> аз Господь Бог ваш, изведый вас <...> от насилия египетска» (Исх. 6: 6–7); «дах судии людем моим израилю, и смирих вся враги твоя» (1 Пар. 17: 10); «Вознесется рука твоя на оскорбляющыя тя, и вси врази твои потребятся» (Мих. 5: 9).

Как видно, в двух первых случаях Кирилл почти точно воспроизводит библейский текст. При этом важно заметить, что данные две цитаты отсутствуют в паремийных чтениях, что указывает на непосредственное знакомство проповедника со Священным Писанием. Правда, в отношении выражения «Не являйся предо мною тоць» можно было бы подумать, что оно было заимствовано из «Слова на Неделю Новую» Григория Богослова, которое, по мнению некоторых ученых, послужило источником «Слова на Антипасху» [30, с. 29–33] и в котором, в древнерусском его переводе («Слово в Новую не^алю и ^а поновления»), имеется похожее выражение «Не яви^и глаголетъ тоць пре^а мною»⁶. Однако если это и так, то все же нужно признать, что наш вития данную цитату подкорректировал, приведя ее в согласие именно с библейским вариантом. Наконец, в третьем случае цитирования Кирилл весьма парафрастичен, и вернее будет предположение, что на него при этом оказал влияние какой-то иной литературный источник. В самом деле, сходные выражения встречаются, например: 1) в главной молитве из древнего чина водоосвящения на праздник Крещения, или Богоявления Господня «Велий еси, Господи, и чудна дела твоя <...>»: «Ты еси Бог наш, Иже морем свободивый от работы фараони Моисеом род еврейский <...>» [11, с. 23]; 2) в Посла-

6 См., например: [42, л. 145в]. Ср. с поздним русским переводом: «Да не явишиися, сказано, предо Мною тоць» [44, с. 148; 43, с. 556].

нии преподобного Феодосия Печерского «о Неделе»: «Исходящем же израильтом из Египта *от работы фараона* <...>» [34, с. 446]; 3) в 1-м ирмосе канона Иоанна Мниха 1 гласа, поющего на утрени как раз в Неделю апостола Фомы: «Помим вси людие еже *от горькиа работы фараоня* израиля изменившему <...>» [48, л. 117] или «Поем вси людие *от лютыа работы фараоня* люди изменишему <...>» [49, л. 276]. Между прочим, тема избавления древних евреев из египетского плена звучит в похожих выражениях и в других ирмосах 1-го, 4-го, 5-го и 8-го гласов [38, с. 6, 49, 67, 96]. То же можно сказать и о выражении «*победить враги твоя*», характерном, в частности, для «Октоиха»: 4) «Господи, при Моисее иногда пророце точно образ креста Твоего являем *побеждаше враги твоя* <...>» (стихира 5-го гласа) [40, с. 78, 118]. Словосочетания подобного состава, кстати, весьма употребительны, хоть и вариативны относительно их глагольной части («низложи», «низвергосте», «разгнал», «прожени», «сокрушаючи» и т. п.), в разных стихословных и песенных текстах означенного гимнографического сборника. Так что третья как бы библейская цитата могла быть подсказана автору «Слова на Антипасху», скорее всего, хорошо известным ему богослужебным обиходом. Кстати, современная украинская исследовательница С.М. Шумило также констатирует, правда приводя иные примеры, связь гомилий Кирилла Туровского с гимнографической традицией [32].

Продолжая собственное размышление, Кирилл переходит к риторическому осмыслению мистической и историософской сути праздника Антипасхи как обновления Пасхи, а также некоторых сопряженных с ним обрядов литургического свойства: «Се ныне и мы понавляем празднующе *победный день Христов* <...>» [36, с. 416]. Этот пассаж содержит развернутое символично-аллегорическое сопоставление, актуализирующее посредством приема антитезы суть переживаемого события: «ныне» освящаемый и преломляемый «*артусный хлеб*»⁷ [36, с. 416] подобен опреснокам, которые левиты некогда, после бегства древних евреев из Египта, носили на своих головах, пока, перейдя через Красное море, не вкусили их во устрашение врагов. Данное уподобление поясняется констатацией: как «*они*», то есть

7 Артос — «квасной хлеб» (в пер. с греч. яз.), который в православной традиции, будучи освящен в день Пасхи, хранится затем открыто на аналое перед алтарной преградой до субботы Светлой седмицы, когда он во время литургии раздробляется и раздается всем молящимся как святыня [33, с. 668].

израильский народ, в праздник опресноков⁸ вспоминают о своем былом плотском спасении от египетского рабства, так и «мы», христиане, духовно освобожденные Спасителем «от работы мысленнаго фараона, дьявола», вспоминаем «победный на враги день», то есть Воскресение Христово; и мы теперь так же вкушаем «священный хлеб», подобно тому, как евреи некогда питаемы были опресноками, «невесным хлебом» [36, с. 416]. Примечательна концовка данного рассуждения: «и храним его (артос. — В.К.) на всяку потребу благу, на здравие телесем, и душам на спасение, и на прогнание всякого недуга» [36, с. 416]. Имеющийся в ней четырехкратный повтор предлога «на» как бы предопределяет форму следующей авторской тирады на тему празднуемого факта обновления, которая представляет собой череду утверждений, открывающихся либо наречием «днесь» (пять пассажей), либо синонимичным наречием «ныне» (десять пассажей).

Это — четвертая часть «Слова на Антипасху» (нач.: «Днесь ветхая конец приаша <...>», кон.: «<...> от ненавидящихъся духовная любви» [36, с. 416–417]). Репетитивная в плане единоначалий и синтаксической организации конструкция, она в своем первом разделе составлена, за исключением вводного предложения, из двучленных построений с повторами и перечислениями. И, между прочим, главное место в ней занимают утверждения, в которых происходящие здесь и сейчас явления живой природы соотношены с происходящим в трансцендентной реальности.

Вот означенный хрестоматийный (ибо приведен сокращенно в ряде учебных пособий по древнерусской литературе [14, с. 134–135; 27, с. 75–76; 26, с. 75; 7, с. 99–100; 22, с. 127]) текст полностью:

Днесь ветхая конец приаша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая.

І. 1) *Ныне* небеса просветишася, темных облак яко вретница съзвлекше, и светлым въздухом славу Господню исповедают. 2) Не си глаголю видимая небеса, нъ разумныя, апостолы, иже *днесь* на Сионе к ним възшедша, познаша Господа, и всю печаль ¹забывша, и скорбь иудейскаго страха ²отвергше, Святым Духом ³осенившася, възкресение Христово ясно проповедают.

8 Период в семь дней, следующий за еврейской пасхой, в течение которых положено употреблять в пищу только пресный хлеб, опресноки, то есть мацу, в воспоминание об исходе из Египта (Исх. 12: 15–20) [35, стб. 319–322].

II. 1) *Ныне* солнце красуясь к высоте *взходит* и радуясь землю *огревает*, 2) *взиде* бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая ему *пасает*.

III. 1) *Ныня* луна с вышнего *сступивши* степени, *болюму* светилу *честь подаба-*
ет; 2) уже бо Ветхий Закон по писанию с субботами преста и пророки Христову Закону *честь*
подает.

IV. 1) *Ныня* зима греховная *покаянием престала есть* и лед неверия богоразумием
растая; 2) зима убо языцкаго кумирслужения апостольским учением и Христовою верою
престала есть, лед же Фомина неверия *показанием Христов ревр растая*.

V. 1) *Днесь* ¹*весна* *красуется*, *оживляючи* земное *естьство*, и ²*бурнии ветри*, тихо
повевающе, *плоды гобзуют*, и ³*земля*, семена питаючи, *зеленую траву ражает*. 2) *Весна* убо
красная есть вера Христова, яже крещением поражает *человеческое пакы еъство*; *бурнии* же
ветри — грехотворнии помыслы, иже, *покаянием претворшеся* на *добродетель*, *душеполезныя*
плоды гобзуют; *земля* же *еъства* нашего, *аки* *семя*, Слово Божие *приемши* и *страхом* его
болящи *присно*, *дух спасения ражает*.

VI. 1) *Ныня* *новорождаеми агнци* и *унци*, *быстро* *путь перуше*, *скачют* и, *скоро*
к матерем възвращающеся, *веселятся*, да и *пастыри*, *свирающе веселием*, Христа *хва-*
лят. 2) *Агнца*, *глаголю*, *кроткия* от *язык люди*, а *унца* — *кумирслужителя неверных*
стран, иже ¹*Христовым възчеловечением*, и ²*апостольским учением*, и ³*чюдесы*, *скоро* по
закон ¹*емшеся*, к *Святей Церкви* *възвратившеся*, *млеко* си *учения* ³*съсуть*, да и *учители*
Христова стада, о *всех молящеся*, Христа Бога *славят*, *вся волкы* и *агнца* в *едино стадо*
сзбравшаго.

VII. 1) *Ныня* *древа леторасли* *испущают*, и *цветы благоухання* ²*процветают*, и *се*
уже огради сладку ³*подавают* *вою*, и *делатели* с *надежно тружалоющеся* *плододавца* Христа
⁴*призывают*. 2) *Бехом* бо *преже*, *аки* *древа дубравная*, *неимуци* *плода*, *ныня* же *присади*
Христова вера в *нашем неверьи*, и *уже держащеся* *корене Иосеева*, *яко* *цвети*, *добродетели*
пущающе, *райскаго пакы жития* о *Христе ожидают*, да и *святители*, о *Церкви тружалоющеся*,
от Христа *мзды ожидают* [36, с. 416–417].

Нет сомнений, данный текст в формальном отношении органи-
зован весьма продуманно и искусно: единоначалия, синтаксический
параллелизм, глагольные рифмы, перечислительные структуры из сло-
восочетаний и фраз, повторы лексические, повторы созвучных морфем
и флексий, повторы или переклички консонантных групп, ассонансные
повторы. Означенные ораторские приемы придают зафиксированной в
этом тексте авторской речи ритмическое звучание и эвфоническую вы-

разительность. Но важнее все же смыслостремительная последовательность проповедника: почти во всех сопоставительных парах идея обновления образно представлена в физическом и метафизическом планах, когда происходящее на земле (зима, весна, овцы, телята, пастухи, растения) или в небе (облака, воздух, солнце, луна, ветер) символически — как пояснение истинного значения происходящего — соотносится с духовной или ментальной реальностью, отражающей веру в вековечную и неизменную причастность Бога к истории существования созданного Им мира. Кирилл здесь неотступен в своем убеждении: явления видимые суть отображения явлений невидимых. Это четко подтверждается зачином ко всему авторскому размышлению об обновлении в день Антипасхи: «Днесъ ветхѣя конецъ приѣша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая», зачином, парафразирующим выражение апостола Павла: «Темже аще кто во Христе, — нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова» (2 Кор. 5: 17). Между прочим, данное выражение содержится еще и в составе богослужебного чтения «Апостола» во вторник 12-й недели по Пятидесятнице (зачало 180, 2 Кор. 5: 15–21). Но откуда бы ни заимствовал оратор слова апостола Павла (скорее всего, по памяти), важно, что они предопределили собой суть последующего текста — второго раздела размышления Кирилла о значении дня Антипасхи, — столь же мастерски организованного в отношении формы и содержания.

Приведу и его текст полностью:

VIII. *Ныня* рѣки слова словесныя уныца к духовному ярму ¹приводяще, и крестное рало в мысленныхъ браздахъ ²погружающе, и бразду покаяния ³прочертующе, семя духовное ⁴вспаивающе, надеждами будущиѣхъ благъ веселятъся.

IX. *Днесъ* ветхѣя конецъ приѣша, и се быша вся нова възскрєсенія ради.

X. *Ныня* ¹реки апостолския наводняются, и ²язычныя рыбы плодъ пущаютъ, и ³рыбарни, глубину Божия възчеловєченія испытавше, полную церковную мрежу ловитвы обретаютъ, — «реками бо, — рече пророк — расядетъ земля, узрятъ и разболзятся нечєстивии людє».

XI. *Ныне* мнишскаго образа трудолюбивая бчєла свою мудрость показующи вся удивляетъ; яко же бо ѡни, в пустыняхъ самокормимє живущє, ангєлы и чєловєкы удивляютъ, и си, на цветы взлетаютъ, медвєны с[о]ты ствараютъ, да чєловєкомъ сладость и Церкви потребная подаст[ся].

ХII. *Ныня* вся dobroгласная птица церковных ликов гнездящаяся веселяться, — «и птица бо, рече пророк, обрете гнездо себе, алтаря твоя», — и свою кажда поющи песнь, славят Бога гласы немолчными.

ХIII. *Днесь* поновишася всех святых чинове, нову жизнь о Христе принимше: ¹пророци и патриарси трудившися в райстей почивают жизни; и ²апостоли с святители пострадавши прославляются на небеси и на земли; ³мученици и исповедници за Христа претерпевше страсть с ангелы венчаются; ⁴цесари и князи послушанием спасаются; ⁵девственни лица и иночестии състави, свой крест терпением понесше, первенцу Христу от земля на небо последуют; ⁶постници и пустынници, от руки Господня труда мзду принимше, в горнем граде с святыми веселяться.

ХIV. *Днесь* новым людям възкресения Христова поновения праздник, и вся *новья* богови приносятся: от язык ¹вера, от хрестыян ²трезвы, от иереи ³жертвы, от миродержитель и болюбныя ⁴милостыня, от вельмож ⁵церковное попечение, от праведник ⁶смереноумудрие, от грешник ⁷истинное покаяние, от нечестивых ⁸обращение к Богу, от ненавидящих ся ⁹духовная любви [36, с. 417].

Прежде всего следует обратить внимание на структурное тождество данного раздела с рассмотренным выше. Оба являют собой конструкции из семи тематических утверждений-постулатов. Только в первом разделе каждый постулат, будучи функционально изъяснением начального наречия времени, бинарен по форме и содержанию, так что в нем смысл одной — конкретизирующей — констатации относительно обновления праздника Пасхи в день Антипасхи раскрывается через другую — абстрагирующую — констатацию, обнаруживая в целом сопряженность дольного с горним, реального с сакральным; тогда как во втором разделе составляющие его семь постулатов с таким же вводным темпоральным наречием семантически и структурно унарны, хотя чаще и представлены амплифицированными цепочками образов. В первом случае схема утверждения такова: *в сей час происходит это, то есть, в сущности, вот что*; во втором же случае схема иная: *в сей час происходит это, и вот это, и вон то, и еще такое*. Наиболее показательны в данном отношении два последних постулата второго раздела: в 13-м синтаксически единообразно перечисляются обновившиеся чины святых угодников Божиих, а в 14-м — столь же единообразно (с повтором предлога «от») новые формы жизни человека в Боге и служения Ему. Стоит также отметить, что и во втором

разделе рассматриваемой тирады имеются отголоски Священного Писания. В 10-м утверждении фраза «Реками бо, рече пророк, рсядется земля, узрят и разболятся нечестивии людье» близка к тексту «<...> глаголет Господь: *реками рсядется земля. Узрят тя и поболят людие*, расточая воды шествия его <...>» (Авв. 3: 9–10); в 12-м же фраза «“И птица бо, рече пророк, обрете гнездо себе, олтаря твоя”» перекликается с текстом: «Ибо *птица обрете* себе храмину, и горлица *гнездо себе*, идеже положит птенцы своя, *олтари твоя*, Господи сил, Царю мой и Боже мой» (Пс. 83: 4). При этом если в одном случае наблюдается почти полное словесное тождество, то в другом очевидна компиляция из словосочетаний, известных по первоисточнику. И опять-таки должно полагать, что у оратора во время говорения подобные припоминания могли возникать свободно, по связи с общим направлением мысли. Особенно такое заключение верно применительно к фразе, восходящей к «Псалтыри», ибо, как известно, последнюю, разделенную на кафизмы, согласно правилам, положено прочитывать келейно, не говоря уж о богослужении, полностью за неделю, от вечера субботы до утра следующей субботы, и так в течение всего года, кроме периода в десять дней между Великим Четвергом Страстной седмицы и Фоминой неделей [25, с. 183–199]. Уместно также отметить, что по Псалтири учились чтению и письму, выучивая ее наизусть [18, с. 428].

Предпоследняя пятая часть «Слова на Антипасху» (нач.: «Взидем нынѣ и мы, братье, мыслено в Сионскую горницу <...>», кон.: «<...> блажени невидѣвшии в мя веровавшии» [36, с. 417–419]) посвящена размышлению о факте уверения апостола Фомы в реальности воскресения умершего Иисуса Христа, известном по Евангелию от Иоанна (гл. 20, стихи 19–20, 24–29, зачало 65В, что самое, кстати, как раз на литургии в Новую неделю). Вот как этот текст выглядел в XII в.:

Соучѣж же поздѣ въ тѣ днь. въ единныи соуботы. и двѣрьмъ затворенамъ. идеже вѣдахъ оученици его съзбрани. За страхъ ноудѣискъ., приде їсѣ и ста посредаѣ ихъ. и гл҃а имъ: миръ вамъ. И се рекъ. показа имъ роуцѣ и ребра своя. Въздрадоваша же ся оученици видѣвшии г҃а (...). Дома же единъ отъ овою-на-десяте нарицаемьи Близньчѣ. не бѣ тоу съ ними. негда приде їсѣ. гл҃адоху же немъ друзѣи оученици. Видѣхомъ г҃а. онъ же рече имъ. аще не виждю на роукоу его язвы гвоздинныя. и вѣложу пѣрста моего въ язву гвоздиннѣю. и вѣложу роукъ мою въ ребра его. не имъ вѣры. И по весми днѣмъ пакы бадоху

взнуотрь оученици его. Двѣрьмъ затворенамъ и ста посредѣ. И глѣ имъ миръ вамъ. по-
томъ глѣ Домѣ. Принеси пьрстѣ твои сѣмо. и виждѣ роуцѣ мои. и принеси роукоу твою и
вложи въ ребра моя. и не буди невѣрнъ нъ вѣренъ. Отъвѣща Дома и рече ѿмж. Гѣ мои
и бѣ мои. Глѣ ѿмж гѣ. яко вѣдѣ въ ма вѣрова. блжни не видѣвѣшен и вѣровавѣше [39,
с. 35–36].

Евангельское свидетельство Кирилл вначале пересказывает кратко, сохранив, однако, некоторые его выражения: «затворенным дверем», «мир вам», «взрадоваша бо ся, рече, ученици видѣвше Господа», «гвоздинныя язвы на руку» [36, с. 417]. При этом почти буквально он воспроизводит речь Фомы: «аще <...> не вложю руки моея <...> в язву гвоздинную <...> не иму вѣры». Но затем проповедник, вспоминая о некогда происходившем в Сионской горнице, облакает свое размышление в развернутую драматургическую форму, заставив странно говорить и Иисуса Христа, и его ученика. И оба монолога, конечно же, являются образцовыми композициями в отношении искусства каллилогии.

Вот речь Спасителя:

(1) Принеси руку твою и (2) виждѣ прободѣние ребр моих и (3) веруй, яко аз сам есмы. Мне бо и прежде тебе патриарси и пророци разумѣше вероваша моему възчеловечнию. (4) Испытай первое Исино о мне писание: *Копьем бо, рече, в ребра прободенъ бысть, и изиде кровь и вода. В ребра прободенъ быхъ, да ребромъ падша Адамъ възкреснѣхъ. А тебе ли, не верующую ми, презрю?* (5) Осязай мя, яко сам аз есмы, его же прежде осязавъ Симеон и верою проашаши отпушчѣния с миромъ! (6) И не буди неверен, яко же Иродъ, яже слыша мое рождество глаголаше волхвѣмъ: *Кде Христосъ рождается, да и аз шедъ поклонюся ему?* — а в сердци о убийствѣ моемъ мысляше, нъ аще и младенци изби, но искомаго не обрете: *Взицють бо мене злии, нъ не обряцють.* (7) Веруй ми, Фома, (8) и познай мя, яко же и Аврамъ, к нему же под сень с двема ангеломъ придохъ, и тѣ познав мя, Господа мя нарече, и о Содомѣ моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было бы в немъ праведникъ. (9) А не буди неверен, яко же Балаамъ, иже Духомъ Святымъ прорекъ мое за миръ умертвѣние и възкресѣние и пакы, мзды ради прельстився, погибѣ. (10) И веруй ми, Фома, яко сам аз есмы, его же виде Иаковъ в ноци на лествицѣ утверждающа; тоже и пакы позна мя духомъ, егда боряхся с нимъ в Месопотамы: тогда бо обещахъ ему възчеловечитися в племени его. (11) И не буди неверен, яко Навходъносоръ, иже, видевъ мя в печи отроки от огня спасъша, истинноу Сына Божия нарече Мя и пакы, к своимъ прельстѣмъ уклонився, погибѣ. (12) Веруй ми, Фома, яко сам аз есмы,

его же образ виде Исайя на престоле высоце, обстоима множеством ангел. *Аз есмь* явивыйся Езекилю посреде животных образом человеческого, *ему же* и вас прообразих колесы, животных придержащимся, въздвизающимъ со Мною: то бо животный духъ бе тогда в колесехъ, тѣго же и нынѣ в вас дуиухъ Духъ Святыи. *Аз есмь*, его же виде Данил на облацехъ небесныхъ подобьемъ Сына человека, съшедшаго до Ветхаго днем, и т(ой) написа даную Ми от Бога Отца власть и царство на небеси и на земли нынешняго и будущаго бесконечнаго века. (13) Принеси, о близнече, твой перъст и (14) вижь руцѣ мои, *има же* очи слѣпымъ¹ отверзохъ, и глухимъ слуха² даровахъ, и нѣмымъ dobroглаголивы³ створихъ. (15) *Вижь* и нози мои, *има же* и предъ вами по морю⁴ ходихъ, и по воздуху⁵ явлено⁶ ступахъ, и в преисподняя шедъ тема ада⁷ попрахъ, и с Клеопою и Лукою до Ельмауса⁸ шествовахъ. (16) И *не буди* неверен, но верен [36, с. 417–418].

Как нетрудно заметить, эта речь представляет собой амплифицированное, или, если использовать термин А.С. Демина, нагнетательное [8, с. 494] сочленение из шестнадцати призывов: это обращенные к Фоме глагольные императивы с развернутыми пояснениями: «принеси», «виждь», «въруй», «испытай», «осязай», «не буди», «въруй», «познай», «не буди», «въруй», «не буди», «въруй», «принеси», «виждь», «виждь», «не буди». Весь монолог построен на лексических повторах: в нем дважды употреблено слово «принеси», трижды «виждь», по четырежды «ребра», «веруй» и «не буди», и вместе с тем в его построении использованы синонимы: «испытай», «осязай», «познай», а также группы из однородных и отчасти синонимических слов: «отверзохъ», «даровахъ», «створихъ»; «ходихъ», «ступахъ», «попрахъ», «шествовахъ». Имеются в нем повторы определительных союзов: *его же*, *ему же*, *тѣго же*, *его же*, *има же*, *има же*, а также фразовые повторы, а именно библейских выражений: «яко аз сам есмь» (Лк. 24: 39), ср.: (Ис. 52: 6) — четырежды и дважды в усеченной форме — «аз есмь», и также четырежды «не буди неверен» (Ин. 20: 27). Все это служило идее и цели убеждения, которая, кстати, была подчеркнута еще однокоренными словами: «въроваша», «върующую», «върою», «върен». Вместе с тем эти элементы речи, несомненно, призваны были притягивать и удерживать внимание слушателей/читателей, сгущая преподанную им мысль относительно истинной действительности Жертвы и Воскресения Христа как Сына Божия, вочеловечившегося ради Спасения людей. Педагогическая, учительная направленность данной тирады очевидна.

Подобной же цели служили использованные в ней аллюзии на библейские выражения, образы библейских персонажей и прямые цитаты из Священного Писания. И, видимо, небеспричинно, в рассуждении Христа вспоминаются именно двенадцать эпизодов из Священной истории, свидетельствующих о predetermined Творцом спасительной миссии Его Сына. Это эпизоды, повествующие о пророке Исае как предсказателе и о нем же как визионере, а также о праотце Адаме, праведном Симеоне Богоприимце, царе иудейском Ироде, праотце и патриархе Аврааме, языческом провидце и прорицателе Валааме, родоначальнике израильского народа Иакове, царе вавилонском Навуходоносоре, пророке Иезекииле, пророке Данииле, учениках Иисуса Христа Клеопе и Луке. Во всяком случае содержательная и формальная предумышленность вложенного в уста Спасителя исторического очерка несомненна, тем более что он обнаруживает довольно вольное обращение автора «Слова на Антипасху» с библейским преданием. Например, по воле последнего Спаситель в разговоре с Фомой приписывает пророку Исае, который действительно предрекал будущее явление Мессии (Ис. 53), предсказание о Своей мучительной кончине. Но на самом деле приведенные Кириллом слова парафрастически повторяют Евангелие: *«един от воин копием ребра ему прободе, и абие изыде кровь и вода»* (Ин. 19: 34) — и не принадлежат ветхозаветному провозвестнику. Отсюда очевидно, что наш проповедник намеренно связал их с Исайей, с древности почитавшимся как величайший из пророков и «ветхозаветный Евангелист» [47, с. 99], усилив таким образом профетическую и вероисповедную правду придуманного им монолога.

Столь же осознанно в плане содержания и формы организован и ответ Фомы Иисусу Христу. Он выражает состояние убежденности, обретенное апостолом:

(1) Вѣрую, Господи, яко Ты еси самъ Христосъ Богъ мой, о немъ же писаша пророци прозяцѣе духовъ, его же прообрази в законѣ Моисѣ, его же отвергошася съ жерци фарисѣи, ему же поругашася завистию съ книжники жидове, его же с Князяфю на распятѣ Пилатъ преда, его же Богъ Отецъ из мертвыхъ възсреси. (2) Вижю ребра, от нихъ же источи кровь и воду; воду же, да очистиши осквернишюся землю, и кровь же, да освятиши челоувѣчское естество. (3) Вижю рүцѣ Твои, има же преже створи всю тварь, и рай насади, и человека созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. (4) Вижю нозн

Твои, ею же прикоснувшись блудница грѣхов отпустъ прият, на нею же припадъши первое вдовица от мертвыхъ своего сына с душою прият жива; надъ симъ ногамъ кровоточивая подоцѣ ризы прикоснувшись ицѣлѣ от недуга. (5) И аз, Господи, вѣрую, яко ты еси Бог [36, с. 418–419].

Факт уверования Фомы акцентируется здесь также посредством повторов: но теперь это предикаты утверждения. Речь Фомы открывается и закрывается лексемой *верую* и варьирующимся пояснением *яко Ты еси сам Христос Бог мой* и *яко ты еси Бог*. Троекратное *вижу* усиливает констатацию действительности случившегося: воскресения Христа во плоти и нового Его явления пред учениками. Перечислительные, т. е. опять-таки репетитивные, нагнетательные цепочки однородно оформленных придаточных с однотипными союзами *о нем же, его же* (шесть предложений); *има же* (три предложения); *ею же, на нею же* (два предложения) усиливают идею об историчности соучастия Бога в бытии человечества как мыслимого или реально зримого, чтимого или гонимого создателя мира, устроителя жизни, подателя чудотворной помощи людям.

Завершается вся диалогическая, или драматизированная, часть «Слова на Антипасху» цитатой из Евангелия: «И рече к нему Иисус: Яко видѣв мя и вѣрова, блажени невидѣвшии к мя вѣровавшии» (Ин. 20: 29). И понятно, что Кирилл Туровский данным написанием ожидал от своей паствы адекватного восприятия, ведь он целенаправленно использовал максимум средств воздействия на нее: и историческую аргументацию, и показательный образный ряд, и дидактику, облеченную в яркую и влекущую своей систематически организованной силой и экспрессией словесную оболочку.

Если оценивать обе приведенные здесь и сочиненные проповедником риторемы в сущностном и интенциональном аспектах, то речь Христа, кажется, больше относится к области мнемонического, катехизического размышления о Нем самом как о Боге, таинственно и реально являющим Себя миру, а вот в монологе Фомы преподана догматически положительная, катафатическая мысль о Христе как Спасителе. Но в обоих случаях проповедник демонстрирует мастерство владения словом и умелое использование разных ораторских приемов. Последнее подчеркивает завершающий всю гомилию пассаж:

Тѣмъ же, братье, *въруемъ* Христу Богу нашему, распензшемуся *поклонимъ*ся, възкресшаго *прославимъ*, явльшемуся апостоломъ *въруемъ* и своя ребра *Фомѣ* показавшему *воспоимъ*, пришедшаго оживитъ насъ *похвалимъ*, и просвѣтившаго ны *исповѣдаемъ*, и всѣхъ благъ подавшаго намъ обиліе *възвеличимъ*, отъ Тронца единого *познаемъ*, Господа и Бога, Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же слава съ Отцемъ и съ Пресвятымъ [Духомъ] [36, с. 419].

Вновь амплифицированное чередование однородных и семантически схожих императивов, сопряженных к тому же с чередующимися метонимическими, перифрастическими именованиями Христа (*распензшийся, воскресший, явльшийся, ребра показавший, пришедший, просвѣтивший, подавший обиліе благъ*). Бесспорно, этот пассаж призван был вселить в сознание слушателей/читателей определенное уmonoстроение и отношение, подвигнуть их к определенным убеждениям и образу жизни. И думается, этот выразительный заключительный аккорд выполнял роль кульминации всего сложного размышления оратора о смысле недели Новой после Пасхи и сути молитвенного торжества в данный день, будучи, если угодно, катарсическим апофеозом, сущностно и формально соответствующим всему содержанию, всей архитектонике и стилистике проповеди Кирилла. В каком духе он начал свое обращение к пастве, в этом же духе выдержал его в основных и наиболее идейно выразительных разделах, и так же пафосно, красноречиво и экспрессивно закончил последнее.

Как мыслитель, оратор и наставник Туровский златоуст безукоризненно последователен и логичен. Ключевая его тема — обновление Воскресения Христова в неделю Новую. Другая тема — значение воскресного дня как главного дня седмицы, дня славления Господа за Его извечное сокровенное соучастие в жизни людей, его действительную Жертву ради их спасения и наступившую эру Его просвещающего благотворения миру. Обе темы рассматриваются через призму сопоставления ветхозаветной истории с историей евангельской, через соотнесение реальной действительности с метафизической, и рассматриваются от лица разных субъектов речи: проповедника, Иисуса Христа, апостола Фомы. Вниманию слушателей/читателей предъявлен таким образом согласно звучащий ансамбль, выражающий веру, поклонение, восхваление, исповедание, величание, знание, славление.

Святитель Кирилл, соответственно, оставил потомкам удивительную в идейно-содержательном и литературно-художественном отношении словесную мозаику. Это касается и других его торжественных слов. И данный факт предопределяет размышления о векторе и характере развития древнерусского красноречия.

Многие исследователи, как известно, отмечали связь ораторского искусства Кирилла с древней греческой и южнославянской каллилогической традицией XIV–XV вв. [3, с. 84; 4, с. 46–47; 17, с. 236]. И это было вполне естественно, ибо Русская Церковь до середины XV в. являлась диоцезом, митрополией, — отдаленной церковной областью в епархиальной структуре Константинопольского патриархата [31, с. 308–313], так что совсем не удивительно, что русская духовная культура в значительной степени развивалась в русле, предуказанном Византией. Вместе с тем, писали и о том, что литературная манера Туровского витии, как и стиль Киевского митрополита Илариона, родственна и во многом идентична более позднему русскому словотворческому обычаю, получившему обозначение «плетения словес» [13, с. 317–318]. Этот орнаментальный, риторико-панегирический стиль достиг своего расцвета в конце XIV – начале XV в. [16], в частности в литературном творчестве святителя Киприана, митрополита Киевского и всея Руси (Житие святителя Петра и Слово похвальное Петру) [19], и преподобного Епифания Премудрого, иеромонаха Троице-Сергиева монастыря (Жития святителя Стефана Пермского и преподобного Сергия Радонежского) [15]. Но и Кирилл Туровский тоже, что обнаруживает все выше изложенное, «сплетал словеса», сотворяя неординарную речевую ткань с помощью обращений-призывов, перечислительных конструкций, фразовых, лексических, морфологических повторов, синонимии, синтаксического и семантического параллелизмов, звукописи, повествовательной ритмизации, библейских аллюзий, реминисценций, образов, парафраз, цитат, символично-аллегорических картин [13, с. 232–238; 32, с. 101–120].

Достаточно сравнить приведенные выше фрагменты из «Слова на Антипасху» с фрагментами из сочинений Илариона, Киприана и Епифания:

Иларион. Слово о Законе и Благодати	Киприан. Житие Петра	Епифаний. Житие Стефана	Епифаний. Похвальное слово Сергию
<p>«Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего! Въстани, оттряси сонъ! Неси во умерлѣ, но спиши до общааго всемъ въстаниа! Въстани, неси умерлѣ, неси во ти лепо умерети, веровавшу въ Христа, живота всему миру! Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши, какая тя чѣсти Господь тамо съподобиъ, и на земли не беспамятна оставил сыномъ твоимъ! Костани, виждь чадѣ свое Георгия! Виждь утробу свою! Виждь милааго своего! Виждь, его же Господь изведе от чресл твоихъ! Виждь красящааго столъ земли твоей и възрадуися, и възвеселися! К сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину! Виждь внуку твое и правнучку, како живутъ, како храними сѣть Господемъ, како благоверне держать по предаянню Твоему, како въ святыхъ церкви чѣстятъ, како славятъ Христа, како покланяются имени Его (...)» [45, с. 50].</p>	<p>«Но отче благоразумный и полезный пресвященный архiereю, святителю Петре, сладкая душамъ снѣди, пресладкое устнама пивѣ, сладчайшая церквама плечѣ, книжныя пища трапезѣ, трезвенія ушѣ, соли словесная, масло умягчаваящее сѣтование мудрованиемъ, гусли благочестия, соплѣ наказыания, богатство нищелюбия, возгласиение покаяния, верный рабѣ Господень, азъ же, како по достоинноу възмогу похвалити тя, скверна уста имѣа и нечистъ языкъ! Нѣ не имый что принести тебе в день преставления твоего, сие малое похваление, яко мала смѣрающий потокъ къ ширине морстей припадеа, не да море наполнить, но да смирада очистиа (...))» [41, с. 106–107].</p>	<p>«(...) Что еще ты нареку? Божа заблужшимъ, обрѣтателя погибшимъ, наставника прелѣпнымъ, руководителя умомъ ослѣпленнымъ, истинителя оскверненнымъ, вискателя расточеннымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печальнымъ, кормителя алчущимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленнымъ, помощника обидимымъ, молитвенника тепла, ходатая вѣрна, поганымъ спасителя, вѣсомъ проклинателя, кумирѣмъ потреснителя, Богу служителя, мудрости рагителя, философии любителя, цѣломудрию дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ перыстѣй писателя. Многа имена твоя, о епископе, многоименитство стяжал еси, многихъ во дарѣхъ достоинъ бысть, многими благодатями обогатѣвъ еси (...)» [37, с. 250, 252].</p>	<p>«(...) столпъ тергѣвниа: иже поживе на земли аггелъскимъ житиемъ и възна въ земли Рустѣй, акы звѣзда пресвѣтлаа; иже премногую его добродѣтель людемъ на плъзу бысть многымъ, многымъ на спасение, многымъ на успѣхъ душевный, многымъ на потрѣбу, многымъ на устрою; иже бысть христолюбивымъ княземъ великимъ русскимъ учителъ православно; вѣлможамъ же, и тѣхущинкомъ, и прочимъ старѣйшимъ, и всему синглиту, и христолюбивому всему воинству иже о благочестии твердый поборникъ; архиепископамъ же, и епископомъ, и прочимъ святителемъ, архимандритомъ благоразумный и душеполезный възгласникъ и связспросникъ; честнымъ же игуменомъ и прозвиреромъ привержице, иночскому же чину акы дѣвственца, възводящия на высоту небесную; сиротамъ акы отецъ милосердѣ, вдовицамъ яко заступникъ теплъ; печальнымъ утѣшение (...)» [46, с. 394].</p>

Родственность, сходство, формальная тождественность литературной манеры данных авторов по отношению к литературной манере проповедника из Турова очевидны и бесспорны. Во всяком случае для всех созданных ими текстов характерны одни и те же каллилогические приемы:

единоначатие и структурное подобие предложений, стремление по-разному лексически и фразово выразить какую-то одну и ту же мысль, амплифицированное — через разного типа повторы и перечислительные конструкции — нагнетание смысла, ритмизация словесного потока, экспрессивная интонация. Бесспорно, все они творчески связаны с единой усвоенной на Руси греко-византийской гомилетической школой, коррелируют они и с южнославянским риторическим искусством. Но конечно, в сравнении с орациями Илариона и Кирилла, и даже Киприана, Епифаний как ритор был куда более изобретателен и искусен. Но при этом есть, в сущности, все основания констатировать причастность названных мастеров слова к одному и тому же литературному, каллилогическому обычаю, к набору одних и тех же художественных приемов в рамках словесного творчества, нацеленного на достижение максимальной смысловой и формальной выразительности, многокрасочности, яркости, эмоциональной полифоничности и полисемичности. Иначе говоря, вполне допустимо представлять устойчивость традиции русского красноречия, которая развивалась и существовала в едином русле вдохновенного восприятия, проникновенного осмысления и торжественного оглашения наиболее значимых событий христианской и русской истории. При этом, безусловно, имел значение и процесс развития словесного мастерства — риторико-технического, образно-художественного, идейно-смыслового. И динамику последнего, как и его стадиальность, еще только предстоит выяснить, однако решительно отвергнув идею о прямой и тесной зависимости русского стиля «плетения словес» рубежа XIV–XV вв. именно от южнославянских стилистико-повествовательных новин, связанных с реформаторской и литературной деятельностью святителя Евфимия, патриарха Тырновского. Тождество, сходство бесспорны, но, скорее всего, они были обусловлены конфессиональным и культурным родством и взаимодействием; корни же собственно русского «плетения словес» прежде всего питались искусством красноречия, сформировавшимся еще под пером Илариона Киевского и Кирилла Туровского, которые отлично усвоили уроки греко-византийской каллилогической традиции и оставили своим потомкам прекрасные образцы ораторской прозы.

Список литературы

Исследования

- 1 Баранкова Г.С., Макеева И.И. Ораторская проза Кирилла Туровского и ее место в древнерусской книжности // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 32–51.
- 2 Баранкова Г.С. Оригинальное и заимствованное в творчестве Кирилла Туровского // Русская речь. 2017. № 5. С. 79–89.
- 3 Бегунов Ю.К. Древнерусская ораторская проза как жанр (К постановке вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности / под ред. Д.С. Лихачева и Н.Ф. Дробленковой. Л.; М.: Наука, 1970. С. 75–85.
- 4 Бегунов Ю.К. К стилистике торжественного красноречия: Кирилл Туровский и Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. 1371–1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 11–14 октомври 1971. София: Изд-во на българската академия на науките, 1974. С. 39–51.
- 5 Бегунов Ю.К. Ораторская проза Киевской Руси в типологическом сопоставлении с ораторской прозой Болгарии // Славянские литературы. Доклады советской делегации IX Международному съезду славистов. Киев, 7–13 сентября 1983. М.: Наука, 1983. С. 38–51.
- 6 Виноградов В. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского // В память столетия (1814–1914) Императорской Московской Духовной Академии: Сб. ст., принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации в двух частях. Сергиев Посад, 1915. Ч. 2. 667 с.
- 7 Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1945. 511 с.
- 8 Демин А.С. К вопросу об изобразительности произведений древнерусской литературы // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15 / Ин-т мировой литературы РАН; о-во исследователей Древней Руси; отв. ред. О.А. Туфанова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 490–558.
- 9 Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 342–367.
- 10 Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 18. С. 50–58.
- 11 Желтов М., свящ. Великий еси, Господи: О чине богоявленного освящения воды // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 1. Январь. С. 12–25.
- 12 Жолобов О.Ф. Язык древнеславянской проповеди: неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского // Словѣне: International Journal of Slavific Studies. 2017. Т. 6, № 2. С. 137–162.
- 13 Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.

- 14 *Караулов Г.Э.* Очерки истории русской литературы: в 2 т. / соч. Г. Караулова. 3-е изд. М., 1888. Т. 1: Литература древнего периода и нового до Пушкина. 627 с.
- 15 *Кириллин В.М.* Епифаний Премудрый: уможзрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Ч. 1. М.: ИМЛИ РАН, 1994. С. 80–120.
- 16 *Кириллин В.М.* Исихазм и русская литература конца XIV – начала XVI вв.: вопрос о реальном взаимоотношении явлений // Бог в русской мысли, культуре, истории: мат. ежегодной междисциплинарной науч. конф. Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «Церковь и время». М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024. С. 229–256.
- 17 *Кириллин В.М.* Литературное наследие святителя Кирилла, епископа Туровского // Очерки о литературе Древней Руси. Мат. для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2011. С. 228–240.
- 18 *Кириллин В.М.* Русская образованность в X–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15 / Ин-т мировой литературы РАН; о-во исследователей Древней Руси; отв. ред. О.А. Туфанова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 419–472.
- 19 *Кириллин В.М.* Структурированная похвала предстоятелю Русской Церкви // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 3: 2000 лет христианской культуры. С. 183–189.
- 20 *Колесов В.В.* К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 37–49.
- 21 *Колесов В.В.* Стилистика и поэтика Кирилла Туровского // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Palaiowrsia: en cronw, en proswpw, en eidei. 2016. Вып. 6. С. 10–35.
- 22 *Левшун Л.В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. 351 с.
- 23 *Макеева И.И.* Слово на Фомину неделю Кирилла Туровского // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2018. № 16. С. 139–158.
- 24 *Мощенская Л.Г.* «Слово... по Пасце» Кирилла Туровского как текст традиционной культуры // Гуманистич. и христианско-духов. содержание наследия Кирилла Туровского: мат. межрегион. науч. конф., Гомель, 10–11 мая 2000 г. Гомель, 2000. С. 104–108.
- 25 *Никольский К.Т.* Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: Гос. тип., 1900. XVI, 872 с.
- 26 *Орлов А.С.* Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 379 с.

- 27 *Полевой П.Н.* История русской словесности с древнейших времен до наших дней: в 3 т. 3-е изд. СПб.: Изд-е А.Ф. Маркса, 1903. Т. 1. [2], VIII, 651, [10] с.
- 28 *Полянская (Тогина) И.В.* Кирилл Туровский: творец или компилятор? // От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М.: Прогресс, 1994. С. 90–103.
- 29 *Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.* Сочинения Кирилла Туровского как объект исторической морфологии // Гуманистическое и христианско-духовное содержание наследия Кирилла Туровского: мат. межрегион. науч. конф., Гомель, 10–11 мая 2000 г. / редкол. В.И. Коваль, Е.И. Холявко, Г.И. Хорошко. Гомель, 2000. С. 115–117.
- 30 *Сухомлинов М.И.* О сочинениях Кирилла Туровского. СПб.: В тип. Имп. Акад. наук, 1858. 68 с.
- 31 *Цыпин В., прот.* Курс церковного права: Учебное пособие. Клин: изд-во «Христианская жизнь», 2004. 703 с.
- 32 *Шумило С.М.* Поэтика богослужебной гимнографии в славянских житиях и проповедях орнаментального стиля XI–XIV вв. Firenze: Firenze University Press, 2024. 317 с.

Источники

- 33 Богословско-литургический словарь // Настольная книга священнослужителя / по благосл. Святейш. Патриарха Пимена. М.: Московская патриархия, 1983. Т. 4. С. 645–792.
- 34 «Въпрашанье Изяслава князя, сына Ярослава, внука Володимира, игумена Федосья Печерского монастыря» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 446–449.
- 35 Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1912. Т. 12: Обычай — Проказа. 960 стб.
- 36 *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. IV. 3 // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 13. С. 415–419.
- 37 Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / ред. изд. Г.М. Прохоров. СПб.: ГЛАГОЛЬ, 1995. С. 50–263.
- 38 Ирмологий / сост. Е. Кустовский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 264 с.
- 39 Мстиславово Евангелие. Полный апракос. XII в. Цит. по изд.: Апракос Мстислава Великого / АН СССР, ин-т рус. яз.; изд. подгот. Л.П. Жуковская и др. М.: Наука, 1983. 527 с.
- 40 Октоих, сиречь Осмогласник: Гласы 5-й–8-й. Украинская Православная Церковь; Киевская митрополия, 2001. 472 с.

- 41 Похвальное слово митрополиту Петру // *Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси / науч. ред. Г.М. Прохоров. М.: Русский мир, 1993. С. 96–107.
- 42 Сборник из 16 слов Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского // ОР РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры (Ф. 304. I). № 8 (2015). XIV в. 419 л.
- 43 Святитель Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: в 2 т. М.: Сибирская Благовонница, 2007. Т. 1: Слова. Прил.: свящ. Н. Виноградов. Догматическое учение св. Григория Богослова. 895 с.
- 44 «Слово на Неделю Новую, на весну и на память мученика Маманта» // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М.: В Тип. Августа Семена, 1844. Т. 4: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Ч. 4. С. 141–151.
- 45 Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 25–61.
- 46 Слово похвально... Сергию // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV – середина XV века. С. 390–411.
- 47 *Солярский П.Ф., прот.* Опыт библейского словаря собственных имен. СПб.: Типолит. Цедербаума и Гольденблума, 1881. Т. 2. 674 с.
- 48 Триодь цветная // ОР РГБ. Ф. 304. № 399 (314). XVI в. 371 л.
- 49 Триодь цветная. М.: Печатный двор, 6 декабря 1635 г. // ОР РГБ. Старопечатные книги Троице-Сергиевой лавры. № 1068. Отд. IV. 641 л.

References

- 1 Barankova, G.S., and I.I. Makeeva. "Oratorskaia proza Kirilla Turovskogo i ee mesto v drevnerusskoi knizhnosti" ["Kirill Turovsky's Oratorical Prose and Its Place in Old Russian Literature"]. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki. XVI Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, Literature, Folklore of Slavic Peoples. The History of Slavic Studies. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, August 20–27, 2018. Reports of the Russian Delegation]. Moscow, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 32–51. (In Russ.)
- 2 Barankova, G.S. "Original'noe i zaimstvovannoe v tvorchestve Kirilla Turovskogo" ["Original and Borrowed in the Works of Kirill Turovsky"]. *Russkaia rech'*, no. 5, 2017, pp. 79–89. (In Russ.)
- 3 Begunov, Iu.K. "Drevnerusskaia oratorskaia proza kak zhanr (K postanovke voprosa)" ["Old Russian Oratorical Prose as a Genre (To Raise a Question)"]. *Puti izucheniia drevnerusskoi literatury i pis'mennosti* [Ways of Studying Old Russian Literature and Writing], ed. by D.S. Likhachev and N.F. Droblenkova. Leningrad, Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 75–85. (In Russ.)
- 4 Begunov, Iu.K. "K stilistike torzhestvennogo krasnorechiia: Kirill Turovskii i Grigorii Tsamblak" ["Towards the Style of Solemn Oratory: Kirill Turovsky and Grigory Tsamblak"]. *T"rnovska knizhovna shkola. 1371–1971. Mezhdunaroden simpozium. Veliko T"rnovo, 11–14 oktombri 1971* [Tarnovo Book School. 1371–1971. International Symposium. Veliko Tarnovo, 11–14 October 1971]. Sofiia, Izdatel'stvo na b"lgarskata akademiia na naukite Publ., 1974, pp. 39–51. (In Russ.)
- 5 Begunov, Iu.K. "Oratorskaia proza Kievskoi Rusi v tipologicheskom sopostavlenii s oratorskoi prozoi Bolgarii" ["Oratorical Prose of Kievan Rus' in Typological Comparison with Oratorical Prose Bulgarian"]. *Slavianskie literatury. Doklady soverskoi delegatsii IX Mezhdunarodnomu s"ezdu slavistov. Kiev, 7–13 sentiabria 1983* [Slavic Literatures. Reports of the Soviet Delegation to the IX International Congress of Slavists. Kiev, 7–13 September 1983]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 38–51. (In Russ.)
- 6 Vinogradov, V. "O kharaktere propovednicheskogo tvorchestva Kirilla, episkopa Turovskogo" ["On the Nature of the Preaching Works of Kirill, Bishop of Turov"]. *V pamiat' stoletiiia (1814–1914) Imperatorskoi Moskovskoi Dukhovnoi Akademii: Sbornik statei, prinadlezhashchikh byvshim i nastoiashchim chlenam akademicheskoi korporatsii v dvukh chastiakh* [In Memory of the Centenary (1814–1914) of the Imperial Moscow Theological Academy: Collection of Articles Belonging to Former and Present Members of the Academic Corporation in Two Parts], part 2. Sergiev Posad, 1915. 667 p. (In Russ.)
- 7 Gudzii, N.K. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [The History of Old Russian Literature]. 3rd ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945. 511 p. (In Russ.)
- 8 Demin, A.S. "K voprosu ob izobrazitel'nosti proizvedeniia drevnerusskoi literatury" ["On the Question of the Depiction of Works of Old Russian Literature"]. *Germenevtika*

- drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 15. Ex. ed. by O.A. Tufanova. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 490–558. (In Russ.)
- 9 Eremin, I.P. "Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo" ["The Literary Heritage of Kirill Turovsky"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 11. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, pp. 342–367. (In Russ.)
- 10 Eremin, I.P. "Oratorskoe iskusstvo Kirilla Turovskogo" ["The Oratory of Kirill Turovsky"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 18. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1962, pp. 50–58. (In Russ.)
- 11 Zheltov, M., sviashch. "Velii esi, Gospodi: O chine bogoiavlenskogo osviashcheniia vody" ["Great Art Thou, O Lord: On the Rite of the Epiphany Consecration of Water"]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii*, no. 1, 2022, pp. 12–25. (In Russ.)
- 12 Zholobov, O.F. "Iazyk drevneslavianskoi propovedi: neordinarnost' glagol'noi morfologii v gomiliakh Kirilla Turovskogo" ["The Language of Old Slavic Preaching: the Originality of Verbal Morphology in Kirill Turovsky's Homilies"]. *Slovene: International Journal of Slavic Studies*, vol. 6, no. 2, 2017, pp. 137–162. (In Russ.)
- 13 Karavashkin, A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [*Literary Custom of Old Russia (11th–17th Centuries)*]. 2nd ed., rev. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 720 p. (In Russ.)
- 14 Karaulov, G.E. *Ocherki istorii russkoi literatury: v 2 t.* [*Essays on the History of Russian Literature: in 2 vols.*], vol. 1: Literatura drevnego perioda i novogo do Pushkina [Literature of the Ancient Period and the New Before Pushkin]. 3rd ed. Moscow, 1888. 627 p. (In Russ.)
- 15 Kirillin, V.M. "Epifanii Premudryi: umozrenie v chislakh o Sergii Radonezhskom" ["Epiphanius the Wise: a Speculation in Numbers about Sergius of Radonezh"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 6, part 1. Moscow, IWL RAS Publ., 1994, pp. 80–120. (In Russ.)
- 16 Kirillin, V.M. "Isikhazm i russkaia literatura kontsa XIV – nachala XVI vv.: vopros o real'nom vzaimootnoshenii iavlenii" ["Russian Literature and Hesychasm at the End of the 14th – Beginning of the 16th Centuries: the Question of the Real Relationship of Phenomena"]. *Bog v russkoi mysli, kul'ture, istorii: Materialy Ezhegodnoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii Obshchetserkovnoi aspirantury i doktorantury imeni sviatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiiia "Tserkov' i vremia"* [God in Russian Thought, Culture, History: Materials of the Annual Interdisciplinary Scientific Conference of the Ecclesiastical Postgraduate and Doctoral Studies Named after Saints Cyril and Methodius "Church and Time"]. Moscow, Obshchetserkovnaia aspirantura i doktorantura imeni sviatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiiia Publ., 2024, pp. 229–256. (In Russ.)

- 17 Kirillin, V.M. "Literaturnoe nasledie sviatitelia Kirilla, episkopa Turovskogo" ["The Literary Heritage of St. Kirill, Bishop of Turov"]. *Ocherki o literature Drevnei Rusi. Materialy dlia istorii russkoi patologii i agiografii* [Essays on the Literature of Old Russia. Materials for the History of Russian Patrology and Hagiography]. Sergiev Posad, Izdatel'stvo Moskovskoi dukhovnoi akademii Publ., 2011, pp. 228–240. (In Russ.)
- 18 Kirillin, V.M. "Russkaia obrazovannost' v X–XVII vv." ["Russian Education in the 10th–17th Centuries"]. *Germenetika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 15. Ex. ed. by O.A. Tufanova. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 419–472. (In Russ.)
- 19 Kirillin, V.M. "Strukturirovannaia pokhvala predstoiateliu Russkoi Tserkvi" ["Structured Praise for the Primate of the Russian Church"]. *Vestnik Rossiiskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 3: 2000 let khristianskoi kul'tury [2000 Years of Christian Culture]. 2000, pp. 183–189. (In Russ.)
- 20 Kolesov, V.V. "K kharakteristike poeticheskogo stil'ia Kirilla Turovskogo" ["On the Characteristics of Kirill Turovsky's Poetic Style"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 36. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 37–49. (In Russ.)
- 21 Kolesov, V.V. "Stilistika i poetika Kirilla Turovskogo" ["Stylistics and Poetics of Kirill Turovsky"]. *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh. Palaioiwsia: en cronw, en proswpw, en eidei* [Old Russia: in Time, in Personalities, in Ideas. Palaioiwsia: en cronw, en proswpw, en eidei], issue 6, 2016, pp. 10–35. (In Russ.)
- 22 Levshun, L.V. *Istoriia vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vv.* [The History of the East Slavic Book Word of the 11th–17th Centuries]. Minsk, 2001. 351 p. (In Russ.)
- 23 Makeeva, I.I. "Slovo na Fominu nedeliu Kirilla Turovskogo" ["Kirill Turovsky's 'Homily on Low Sunday'"]. *Trudy Instituta russkogo iazyka imeni V.V. Vinogradova*, no. 16, 2018, pp. 139–158. (In Russ.)
- 24 Moshchenskaia, L.G. "Slovo... po Pastsh' Kirilla Turovskogo kak tekst traditsionnoi kul'tury" ["Kirill Turovsky's 'Sermon on Holy Pascha' as a Text of Traditional Culture"]. *Gumanisticheskoe i khristiansko-dukhovnoe sodержanie nasledii Kirilla Turovskogo: materialy mezhregional'noi nauchnoi konferentsii, Gomel', 10–11 maia 2000 g.* [The Humanistic and Christian-Spiritual Content of Kirill Turovsky's Legacy: Proceedings of the Interregional Scientific Conference, Gomel, May 10–11, 2000]. Gomel', 2000, pp. 104–108. (In Russ.)
- 25 Nikol'skii, K.T. *Posobie k izucheniiu ustava bogoslužheniia pravoslavnoi tserkvi* [The Manual for Studying the Rules of Worship of the Orthodox Church]. 6th ed., corr. and rev. St. Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1900. XVI, 872 p. (In Russ.)
- 26 Orlov, A.S. *Drevniaia russkaia literatura XI–XVI vv.* [Old Russian Literature of the 11th–16th Centuries]. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1937. 379 p. (In Russ.)

- 27 Polevoi, P.N. *Istoriia russkoi slovesnosti s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3 t.* [*The History of Russian Literature from Ancient Times to the Present Day: in 3 vols.*]. 3rd ed., vol. 1. St. Petersburg, A.F. Marks Publ., 1903. [2], VIII, 651, [10] p. (In Russ.)
- 28 Polianskaia (Gogina), I.V. "Kirill Turovskii: tvorets ili kompiliator?" ["Kirill Turovsky: Creator or Compiler?"]. *Ot Nestora do Fonvizina. Novye metody opredeleniia avtorstva* [*From Nestor to Fonvizin. New Methods for Definition of Authorship*]. Moscow, Progress Publ., 1994, pp. 90–103. (In Russ.)
- 29 Suzanovich, V.B., and L.I. Shapovalova. "Sochineniia Kirilla Turovskogo kak ob"ekt istoricheskoi morfologii" ["The Writings of Kirill Turovsky as an Object of Historical Morphology"]. *Gumanisticheskoe i khristiansko-dukhovnoe sodержanie nasledii Kirilla Turovskogo: materialy mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii, Gomel', 10–11 maia 2000 g.* [*The Humanistic and Christian-Spiritual Content of Kirill Turovsky's Legacy: Proceedings of the Interregional Scientific Conference, Gomel, May 10–11, 2000*], editorial board: V.I. Koval', E.I. Kholiavko, G.I. Khoroshko. Gomel', 2000, pp. 115–117. (In Russ.)
- 30 Sukhomlinov, M.I. *O sochineniiakh Kirilla Turovskogo* [*About the Writings of Kirill Turovsky*]. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1858. 68 p. (In Russ.)
- 31 Tsypin, V., prot. *Kurs tserkovnogo prava: Uchebnoe posobie* [*The Course of Church Law: A Textbook*]. Klin, Izdatel'stvo "Khristianskaia zhizn'" Publ., 2004. 703 p. (In Russ.)
- 32 Shumilo, S.M. *Poetika bogosluzhebnoi gimnografii v slavianskikh zhitiiax i propovediakh ornamental'nogo stilia XI–XIV vv.* [*The Poetics of Liturgical Hymnography in Slavic Lives and Sermons of the Ornamental Style of the 11th–14th Centuries*]. Firenze, Firenze University Press, 2024. 317 p. (In Russ.)